

К 130-летию со дня рождения

АВТОР
РОМАНА-
АНТИУТОПИИ

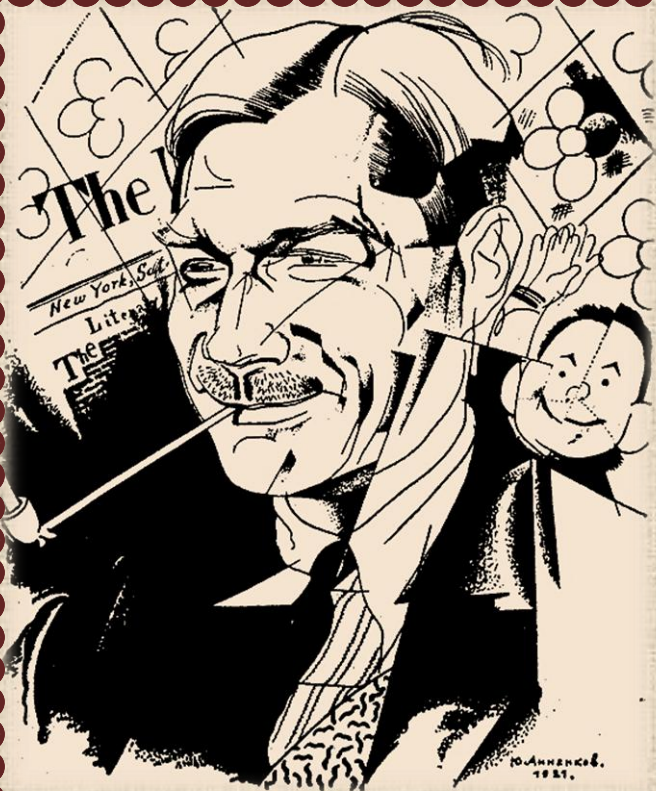
Е. И. ЗАМЯТИН

Замятин Евгений Иванович - одна из самых заметных фигур в литературном процессе 1920-х годов, вошел в историю отечественной словесности в основном как автор знаменитого романа-антиутопии «Мы». К изданию замятинских книг, кажется, никогда не прилагали его фотографий. Это было бы непозволительным пренебрежением к портретам – и каким! Работы Б. Кустодиева, Ю. Анненкова, Н. Радлова. Художники писали Замятина потому, что были его друзьями; потому, что он – личность чрезвычайно заметная в литературе, в театре 20-х годов. Но и потому, что было что-то в замятинском лице. Что-то, подсказывающее сюжет.

Творческий путь Евгения Замятина оказался весьма нелегким. Его работы не просто не признавались в нашей стране, но строго запрещались. Детство Замятина прошло в тихом провинциальном городке Лебедяни Тамбовской губернии (ныне Липецкая область). О своих детских годах Замятин писал: *«Вы увидите очень одинокого, без сверстников, ребенка на диване, животом вниз, над книгой — или под роялью, а на рояле мать играет Шопена — и уездное — окна с геранями, посреди улицы поросенок привязан к колышку и трепыхаются куры в пыли. Если хотите географии — вот она: Лебедянь, самая разрусская-тамбовская, о которой писали Толстой и Тургенев...»*

ДОМ-МУЗЕЙ Е. ЗАМЯТИНА

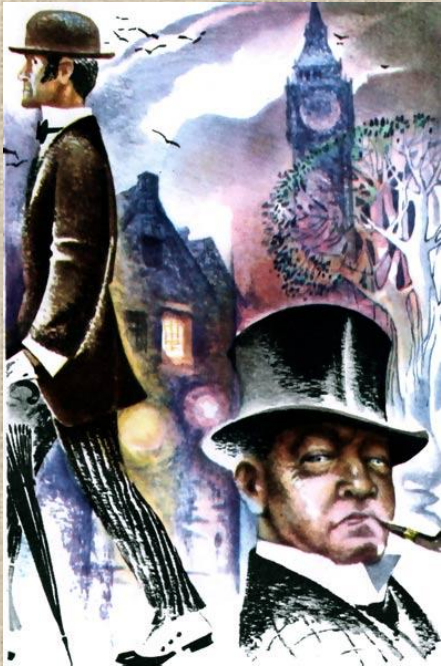
Русская провинция на долгие годы стала основной темой творчества писателя, как, например, в повестях **«Уездное» (1911)** (Замятин, Е. И. *Мы : романы, повести, рассказы, сказки / Е. И. Замятин. – М. : Современник, 1989. – С.30-80*), «На куличках» (1914). Американский литературовед П. Фишер в связи с этим замечает: «Мне кажется, что вообще у Замятина только одна тематика – и она, как я уже теперь понимаю, сугубо русская. Он занят некой центральной метафорой, имя ей – провинциализм, всемогущий провинциализм, духовный и нравственный застой, по терминологии самого Замятина – энтропия... Мир он видит в каком-то провинциальном оцепенении... И в этом провинциальном, подавляющем личность мире появляются еретики, причем всегда эти еретики – неудачники. Бунт им не удастся...».

В 1893–1896 годах Е. Замятин учился в Лебедянской прогимназии, где Закон Божий преподавал его отец. Образование было продолжено в Воронежской гимназии, которую будущий писатель окончил в 1902 году с золотой медалью (однажды впоследствии заложеной в Петербургском ломбарде за 25 рублей, да так и не выкупленной). Замятин вспоминал о гимназических годах: *«Много одиночества, много книг, очень рано — Достоевский. До сих пор помню дрожь и пылающие свои щеки — от “Неточки Незвановой”. Достоевский долго оставался — старший и страшный даже; другом был Гоголь (и гораздо позже — Анатолий Франс)».*

«В гимназии я получал пятерки с плюсами за сочинения, и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно поэтому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского Политехникума». В 1908 году Е. Замятин окончил Политехнический, получил специальность морского инженера, был оставлен при кафедре корабельной архитектуры, с 1911 года в качестве преподавателя. Литературный дебют Евгения Замятина состоялся осенью 1908 года в журнале «Образование», где был опубликован рассказ «Один».

Революции (и 1905, и 1917 годов) принял восторженно. В 1906 году в одном из писем писал о событиях 1905 года: «И вдруг — революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное, как смерч, поднимающий голову к небу, — ради чего стоит жить». За антивоенную по духу повесть «На куличках» (1913), героями которой являются не только дальневосточные офицеры и солдаты, но и вся «загнанная на кулички Русь», Е. Замятин был привлечен к суду, а номер журнала «Заветы», в котором была опубликована повесть, был конфискован. Критик А. Воронский считал, что повесть «На куличках» — это политическая художественная сатира, которая «делает понятным многое из того, что случилось потом, после 1914 года».

В марте 1916 года Замятин был командирован в Англию, где на судовой верфи при его участии был построен ряд ледоколов для России, в том числе один из самых крупных — «Святой Александр Невский» (после революции — «Ленин»). В Англии же начался новый период творчества писателя. Английские впечатления легли в основу как многочисленных очерков, так и повестей **«Островитяне» (1917) (Там же. – С.110-157)** и **«Ловец человеков» (1921) (Там же. – С.157-176)**.

Герой рассказа “Ловец человеков” (выражение “ловец человеков” взято из Евангелия и иронически переосмыслено) из того же английского цикла занимается тем, что вылавливает парочки, занимающиеся любовью в неположенных местах. Он шантажирует их и получает свои деньги. На мир наброшена паутина ложной нравственности. Герой вылавливает попавших в нее людей. Это обыкновенное дело. Торгуют страхом, торгуют стыдом. Замятин вынес свой приговор старой царской России, он осудил и жизнь буржуазной Англии. Взгляд Замятина — взгляд со стороны, резкий и точный. Он умел смотреть со стороны и чуть сверху. Он умел видеть вещи никем не замечаемые, видеть их заново, а это необходимое, но очень редкое качество в искусстве. В России его называли “англичанином”, но английская у него была, пожалуй, только его трубка.

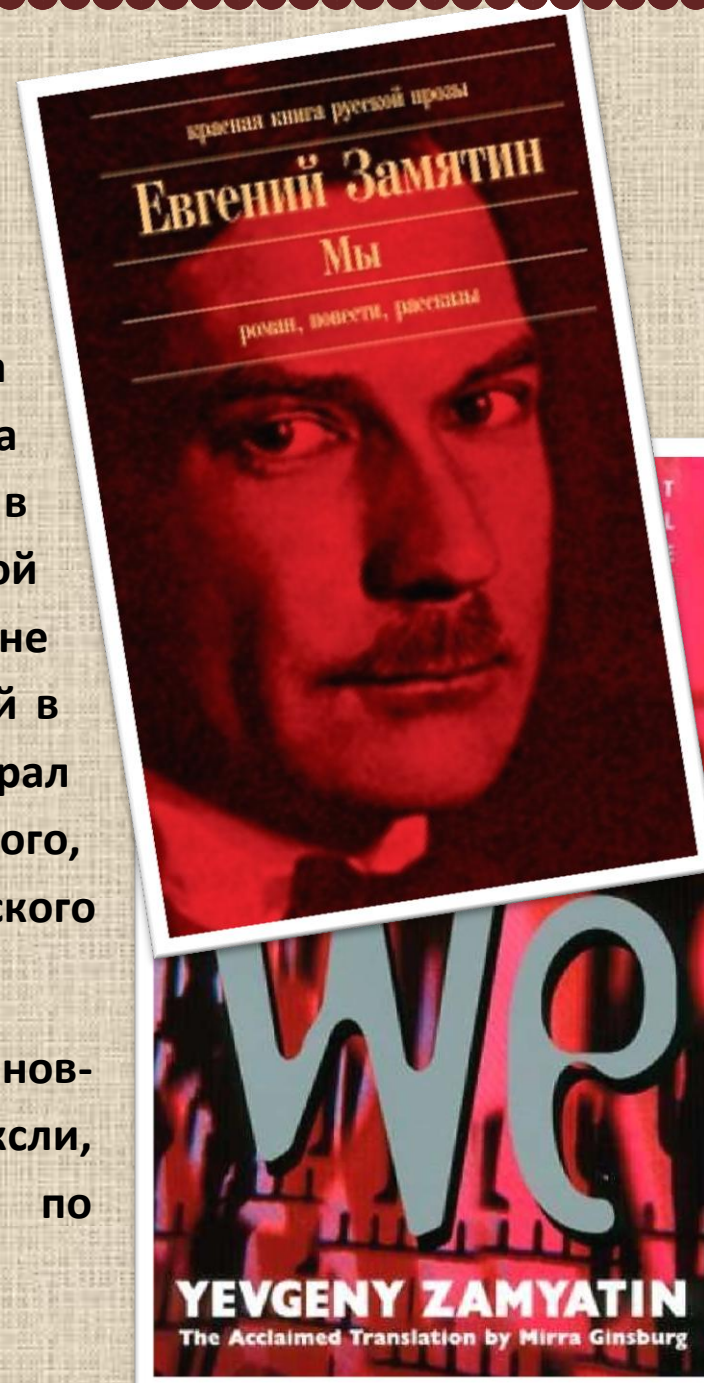

Узнав о революции в России, Замятин возвращается домой, надеясь увидеть здесь начало возрождения нового мира и нового человека: «Веселая, жуткая зима 17–18 года, когда все сдвинулось, поплыло куда-то в неизвестность. Корабли-дома, выстрелы, обыски, ночные дежурства, домовые клубы». (Из автобиографии.) Но то, что писатель увидел и почувствовал вскоре в России, особенно в период военного коммунизма, побудило его критически отнестись к пореволюционной действительности: это была нетерпимость властей, пренебрежение к творческой личности, к человеку, человеческой жизни.

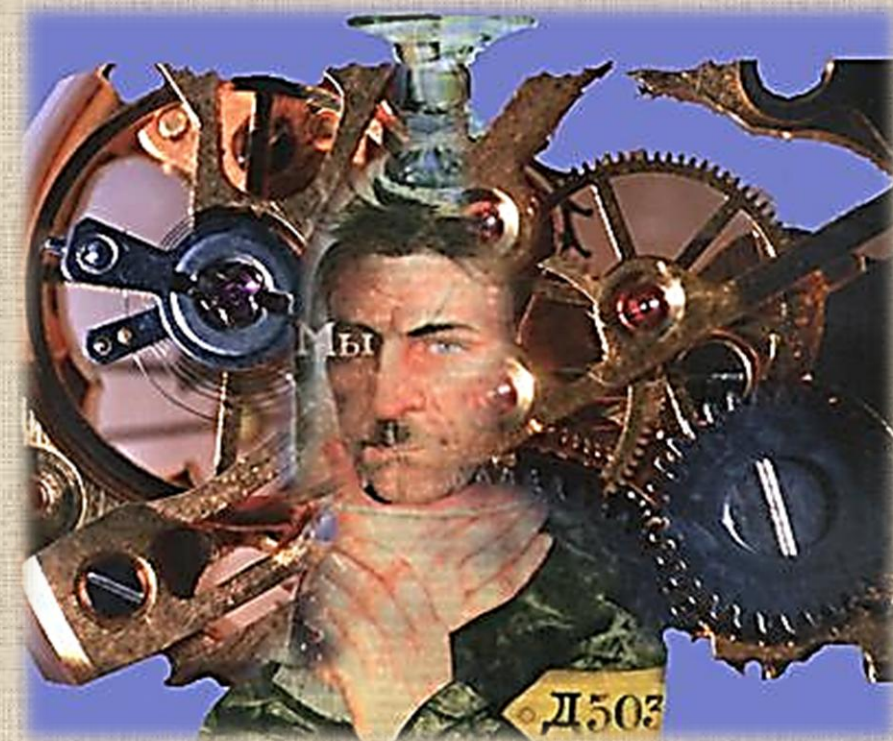
В советском государстве явственно проступали черты некоего бюрократического чудовища — Левиафана; тоталитаризм — эта чума XX века — использовал человека как кирпичик в государственном строительстве, нивелировал человека, требовал от него безусловного и полного подчинения, превращал в винтик одного единого отлаженного механизма.

Сама действительность дала Е. Замятину в руки материал для его фантастического (хотя не такого уж и фантастического, если вспомнить отечественную и мировую историю XX века) антиутопического романа **"Мы" (1920) (Там же. – С.203-348)**; впервые был опубликован в 1924 году на английском, затем в 1926 — на чешском, в 1929 — на французском, на родине публикация романа состоялась лишь в 1988 году). Пафосом этого романа стало оправдание живой личности, любви, творчества, самой жизни, а не механистического ее эрзаца. Неудивительно, что этот первый в мировой литературе роман-антиутопия впоследствии сыграл роковую роль в судьбе автора — жителя не фантастического, описанного в романе "Мы", а реального Единого сталинского Государства.

Роман "Мы" стал первым в ряду европейских романов-антиутопий, таких как «Прекрасный новый мир» О. Хаксли, «Скотный двор» и «1984» Дж. Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и др.

Е. Замятин был наставником молодых писателей — членов литературной группы «Серапионовы братья», в которую входили К. Федин, М. Зощенко, Вс. Иванов, Н. Тихонов, Л. Лунц и др. Преподавал в Политехническом институте, читал курс новейшей русской литературы в Педагогическом институте им. Герцена и курс техники художественной прозы в студии Дома искусств, работал в редколлегии «Всемирной литературы», в правлении Всероссийского союза писателей (избран председателем в 1928 году), в издательствах, редактировал несколько литературных журналов.

В начале 1920-х годов появляются рассказы «Мамай» (1920) (Там же. – С.368-376) и «Пещера» (1921) (Там же. – С.360-368), резко критические по отношению к эпохе военного коммунизма в большевистской России, а также книга о Г. Уэллсе «Герберт Уэллс» (1922).

В 1929 году Е. Замятин за роман "Мы" (одновременно с Б. Пильняком, которого критиковали за повесть «Красное дерево») был подвергнут сокрушительной критике официальной прессы, его перестали печатать, работать он не мог.

Не помогло заступничество М. Горького. В этих условиях писатель в июне 1931 года обращается с письмом к Сталину, просит разрешить выехать за границу. В своем письме Е. Замятин не скрывал своих взглядов на ситуацию в стране, в частности, писал: *«Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию: я считал — и продолжаю считать — что это одинаково унижает как писателя, так и революцию».*

Живя во Франции, Е. Замятин оставался советским гражданином, с советским паспортом. За границей был написан роман **«Бич божий»** (Там же. – С.501-558), посмертно изданный в Париже в 1938 году. Ему так и не удалось вернуться в Россию. Умер Евгений Иванович Замятин 10 марта 1937 года. Похоронен в пригороде Парижа.

